САММЕР ХОЛЛАНД

Парни из Манчестера

ЧУВСТВУЙ
СЕБЯ КАК ХОЧЕШЬ

18+

Его ночь бесконечна, но ее свет
оказывается сильнее

Love & Mafia на русском

Саммер Холланд

Парни из Манчестера. Чувствуй себя как хочешь

«Издательство АСТ»
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Холланд С.

Парни из Манчестера. Чувствуй себя как хочешь / С. Холланд — «Издательство АСТ», 2024 — (Love & Mafia на русском)

ISBN 978-5-17-161506-2

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Джека Эдвардса не зря называют Факбоем: он переспал с доброй половиной Нью-Йорка. Его стиль — легкие выходные. фееричные ночи и полное отсутствие ожиданий и претензий. Единственная девушка, устоявшая перед его обаянием. — стерва Флоренс Мендоса, девушка его брата... Теперь уже бывшая девушка. После того как Джек вытаскивает разбитую расставанием Флоренс с арены, где собрались отбросы города, он не планирует больше с ней видеться. Почему тогда он не может забыть эти грустные темные глаза и снова едет в Бруклин проверить, не встряла ли она в очередную историю? У Флоренс тоже есть вопросы — например, почему в огромном городе, куда бы ни пошла, краем глаза она всегда видит этого напыщенного павлина Джека Эдвардса? Что именно сталкивает их — судьба, ошибка или сам Нью-Йорк?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-161506-2

© Холланд С., 2024
© Издательство АСТ, 2024

Содержание

Глава 1 7
Глава 2 12
Глава 3 16
Глава 4 21
Глава 5 26
Глава 6 32
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Саммер Холланд
Парни из Манчестера.
Чувствуй себя как хочешь

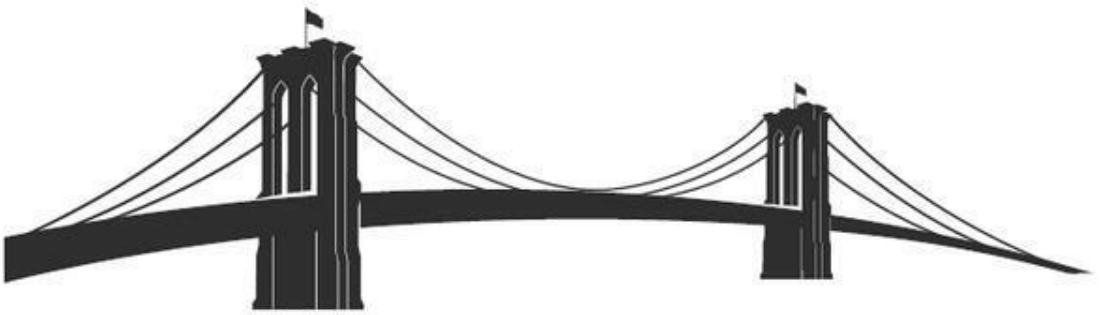
Посвящается Алене Беловой

Серия «Love & Mafia на русском»

© Саммер Холланд, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2026

Глава 1
Факбой

У Джека намечается великолепный вечер. Только что он отправил в нокаут Пепито, который в последнее время начал подозрительно сушить зубы в его сторону. Сам Джек, конечно, чуть не отхватил: у сраного мексикашки тело сделано словно из металла, хер подберешься. Пришлось выматывать громилу и одновременно следить, чтобы не достал. Всегда так с этими здоровяками: дебил дебилом, но по голове не промахивается.

Когда Пепито наконец падает, адреналин стучит в ушах, заглушая рев толпы. Это вкуснее, чем лучший стейк в Нью-Йорке, бургундское вино, самая сладкая девчонка. Ради бурлящей в венах крови стоит жить, и Джек не представляет себе, как существовал бы здесь без боев.

Это оно. Настоящее чувство триумфа, когда удалось вывернуться из безнадежной ситуации, выбраться победителем и увидеть соперника лежащим на песке в отключке. Все становится шелухой, если выживаешь. Даже то, что полчаса назад казалось важным.

Победа опьяняет, и к ней нужна хорошая закуска. Джек обводит взглядом собравшуюся толпу, выбирая девчонку с самыми горящими глазами. Сегодня хочется именно такую, чтобы наутро от усталости ломило спину.

Где-то справа маячит одна, ревет вместе с толпой, и Джек практически чувствует ее взгляд кожей, осталось только найти, какая из них. Сегодня хочется выбрать правильную, ту, в которой кипят энергия и сила. Особенную.

Глаза безошибочно останавливаются на единственном знакомом лице. Джек моментально трезвеет.

Флоренс Мендоса.

Девушка его брата.

На сраных подпольных боях.

Он перемахивает через ограждение, не понимая даже почему. Что она здесь забыла? Рядом с ней не видно Гэри, значит, пришла сама. Хотя с чего бы ей проводить вечера одной? Джек оглядывается, пытаясь понять, что происходит.

Вот, слева! Ее отбитая подружка тоже здесь вместе со своим манерным парнем. Гэри его так ярко описывал, что не узнать невозможно: манерный, как Элтон Джон. Получается, Флоренс и правда одна, иначе манерный не пришел бы.

Как будто подпольные бои – подходящее место для наивного и слишком хрупкого цветочка. Ноги несут к ней вопреки его собственным желаниям. Надо бы забить, подхватить кого-нибудь и свалить, сделав вид, что не заметил. Но Флоренс идет навстречу.

– Что ты здесь делаешь? – быстро спрашивает Джек.

Место не для нее: вокруг слишком много отбросов, половина в говно, половина под кайфом. Ее друзья не спасут, даже наоборот. Скорее, их выебут за компанию.

– Заткнись, – отвечает Флоренс и хватает его за подбородок.

Джек чувствует ее пальцы на своей коже и окончательно перестает соображать. Словно наркоман, он впивается в чужие губы, а голодный и отчаянный ответ сшибает с ног. Она на вкус – сицилийское вино, и адреналин возвращается с новой силой. Это самое запретное, что можно сделать. Целоваться с девушкой своего лучшего друга.

Он не знал, что сможет пасть настолько низко.

И тем более не знал, что это будет настолько охуительно.

Руки машинально обхватывают ее талию – жаркая Флоренс приоткрывает рот, впуская его язык. Библейский мотив: она просто проклятый запретный плод, и только поэтому безумно сладкая, хочется укусить, чтобы проверить, будет ли ее кровь такой же.

Она тоже кусается. Джек запускает пальцы в ее густые волосы, сжимая у корней, и когда Флоренс стонет прямо ему в рот, перед глазами рассыпаются звезды. Он вспоминает ее низкий грудной голос, и единственной целью в жизни становится услышать, как она стонет его имя.

Флоренс отстраняется неожиданно, и Джек даже покачивается, не в состоянии выпустить ее.

– Что ты делаешь? – спрашивает он то ли у нее, то ли у себя. – Ты сошла с ума?

В темных глазах паника – неужели только сейчас поняла? Джек собирает остатки сознания, чтобы прийти в себя.

– Пусти… – умоляет она.

Он все еще держится за нее, как за соломинку, и замечает это лишь сейчас, как и то, что она сильно пьяна. Объяснений больше не нужно.

– Это просто… забей. Это ошибка, – тараторит Флоренс.

Ее губы врут, но глаза выдают с головой: ей самой всего хотелось. Джек знает язык тела, так что обмануть не выйдет. Тяжелое дыхание, мутный взгляд, и она до сих пор за него цепляется.

– Идем со мной.

Собственный голос все еще звучит хрипло, а член в штанах ноет от возбуждения. Флоренс покорно проскальзывает пальцами между его, когда Джек перехватывает ее за руку. Для начала нужно вытащить ее отсюда, и побыстрее. Одобрительные крики толпы означают только одно: оставлять ее здесь нельзя.

* * *

Он недооценил ее упрямство. Думал, окажись она в подсобке, в окружении худших людей Нью-Йорка, успокоится и притихнет, но Флоренс снова удивляет. Она исподтишка разглядывает каждого, и в глазах блестит любопытство, а не страх. Джек пытается держать ее позади, чтобы не втащила его в драку или еще что похуже, но это бесполезно: взгляды направлены только на нее.

Дерьмовее ситуации не придумаешь. Флоренс все бубнит что-то про расставание с Гэри, но верится с трудом: это же самый стабильный чувак на планете, куда она от него денется. Снова поссорились, Флоренс сбежала к своей подружке, а про ту Джек наслышан – отбитая на голову. Ясно же, чья идея была.

Нужно еще понять, как смотреть в глаза Гэри. Но сейчас не до того: Джек заталкивает жуткие мысли о том, что целовался с девушкой брата, в самый дальний угол сознания. Пока они только мешают. Разобраться с Флоренс, отвезти ее домой, в безопасное место, и только потом…

Господи, какой хороший был вечер. Нужно ей было все испортить.

– Выигрыш заберешь? – скалится гнилыми зубами Рендалл, не отрывая от Флоренс грязного взгляда. – Или тебе этого трофея хватит?

Был бы тут Гэри, случилась бы драка. Но Джеку такого не нужно: лишь ключи от машины забрать и съебаться. Просто чтобы не влипнуть больше, чем сейчас… А куда ему, казалось бы, больше?

– Раз пришел, значит, заберу. – Где там сраная футболка? – Ты бы деньги отсчитывал, а не трофей разглядывал. Мое.

Флоренс вспыхивает, и все становится хуже: интерес к ней только растет. Футболка обнаруживается в углу дивана, и Джек быстро хватает ее, прощупывая ключи, спрятанные в ткани.

На месте. Не то чтобы в клубе было принято воровать, но тут все равно достаточно долбоебов, которые могли бы попытаться.

– Полегче, Факбой, никто не отбирает. Но ты везучий сукин сын, две шикарных победы за вечер.

– Бог хранит не только королеву, – на автомате отвечает Джек, прикидывая, ждать ли вообще свой выигрыш или свалить сейчас.

Рендалл корчит уродливую рожу, изрытую мелкими шрамами, но деньги из бананки на груди достает. Медленно – слишком, сука, медленно, – отсчитывает купюры, пока Джек потихоньку ведет Флоренс ближе к выходу.

Вокруг дохера интересующихся. Если подумать логично, к нему не стоит соваться, и они должны это чуять – большинство выхватывали от Джека там, в круге. Проблема в том, что долбоебы не думают логично. Особенно те, кто уже забыл, как их зубы умеют летать.

Слишком медленно. Джек засовывает ключи в карман и спешно надевает футболку – это только в круге удобнее в одних штанах, а кататься так по городу попахивает нудизмом. Рендалл заканчивает наконец отсчитывать деньги и протягивает их.

– Спасибо, мужик! – Джек машет купюрами и выталкивает Флоренс наружу. – Позвоню.

* * *

– Никогда бы не подумала, – Флоренс с видимым удовольствием вдыхает свежий вечерний воздух и останавливается у машины, – что ты таким занимаешься.

– О чем ты?

– Дерешься. Разве в вашем комичном дуэте не Гэри отвечает за кулаки?

Джек открывает дверь, борясь с желанием взять Флоренс за загривок и затолкать внутрь насильно. Но та изящно проскальзывает на сиденье, заставляя невольно заметить, как красиво тяжелые волосы рассыпаются локонами по ее спине. От воспоминаний об их поцелуе тут же начинает жечь губы, чувство вины прокатывается до самого горла, становясь комом.

Бесит. Вся ситуация раздражает до ужаса. Джек захлопывает дверь сильнее, чем стоило бы, и новенький «Линкольн» недовольно вздрагивает.

Нужно собраться с мыслями. Флоренс говорит, они расстались. Приехала на бои, сама – сама же, да? – поцеловала, а он был на таком адреналине, что и самого Гэри бы засосал, если бы тот его так же за подбородок схватил. История совсем не про секс или желание. Это что-то животное внутри требует разрядки.

А теперь Флоренс нужно отвезти к ним домой и свалить, пока у самого зубы целы. У Гэри кровь горячая, не факт, что станет разбираться, кто к кому первый полез и как они вообще встретились.

– Так, – падает он за руль и оглядывает Флоренс, – во-первых, пристегнись.

– Не будь занудой, – закатывает глаза она и поднимает руку к ремню, – ты мне и так не нравишься.

– Это взаимно, Цветочек, – из горла вырывается смешок, – мордашка у тебя, конечно, симпатичная, но меня не возбуждают стервы.

– Скажи это себе десять минут назад.

– Не путай. – Ее наглость сшибает с ног. – То был адреналин.

– В штанах тоже?

– И в воздухе. Так что не принимай на свой счет, – Джек заводит машину, – ты просто не в то время попалась под руку.

– Ну да, ну да, – смеется Флоренс низким грудным смехом, от которого сердце начинает биться чаще.

– Во-вторых, – пытается вернуть разговор в адекватное русло он, – тебе нужно домой. Сама знаешь Гэри, он с ума сойдет, если с тобой что-то случится. Даже если вы посрались.

– Ему уже все равно.

– Это ты так считаешь.

– Мы не срались, сказала же, разошлись. Совсем. И зачем мне ехать домой, если там все равно никого нет? – Флоренс отстегивается и берется за ручку двери.

– Какого хера ты делаешь? – уточняет Джек, перехватывая ремень на полпути и невольно касаясь ее груди. – Я же сказал, что отвезу.

– Если в Бронкс, то лучше вызову такси.

– Ладно, уговорила. – Он снова пристегивает ее. – Переночуешь у меня… Подожди, в смысле дома никого? А Гэри где?

– Я думала, у тебя. – Флоренс отворачивается к окну.

Наконец до Джека доходит, что произошло. Если Гэри от нее ушел, а пока это лучше всего объясняет, как этот цветочек очутился пьяным в говно на подпольных боях, потом уехал из дома с вещами…

Джек достает телефон из бардачка и проверяет пропущенные. Ни звонка, ни сообщения. Значит, не к нему поехал. И не к Тыковке – тот бы уже отчитался. И не к Леону – у них сейчас сложные отношения.

Остается один вариант, и он Джеку вообще не нравится. Гэри поехал к Пайпер, своей вездесущей ассистентке. Неделю назад на футболе бычил, мол, нет с ней ничего. А теперь… Хотя, зная его, тогда и правда могло быть так. Он же никогда не врет.

– Джек, – зовет Флоренс, и ее голос подрагивает, – мы поедем куда-нибудь или нет?

– Да, ко мне. Но ты спишь на диване в гостиной, поняла?

Та молчит в ответ, и Джек старается не отрывать глаза от дороги.

Флоренс и Гэри вместе уже года три, не меньше. Черт разберет, где он ее подобрал, но Джек прекрасно помнит, как впервые увидел их вместе.

Она красивее всех, кто у Гэри когда-либо был, что в Манчестере, что в Нью-Йорке. Может, даже красивее всех, кто был у самого Джека. Но с первых же минут знакомства стало понятно: та еще стерва. Ловко обвела Гэри вокруг пальца, загнала под каблук и заперла дома. По крайней мере, так оно выглядело.

С появлением Флоренс их обычные тусовки и закончились. Нет, братьями они быть не перестали. Видятся до сих пор каждый день, но это работа. Вне офиса разве что на футболе встречаются – и Гэри в последнее время совсем глубоко забрался в свою ракушку, носа не высовывает. Значит, у него проблемы.

Забавно, что это Флоренс нашла ему Пайпер. Он бы сам еще пару месяцев потянул с поиском ассистента, но его личному Церберу хотелось помочь подружке. Предыдущая, Марта, долго ждала повышения. А Джеку на должность финансового контролера нужен был человек, который знает все и про каждого. Совпадение на сто процентов.

Когда Марта задолбала весь офис своим нытьем, Флоренс решила вмешаться. Отсобеседовала всех кандидатов, притащила их Гэри, и тот выбрал Пайпер. Теперь выходит, нашла своему парню новую девушку? Водевиль какой-то.

– У тебя дома есть алкоголь? – нарушает она тишину.

– Да, но не для тебя.

– Как грубо, – уязвленно отвечает Флоренс, – может, тогда высадишь меня у бара?

– А тебе на сегодня не хватит?

– Нет. Ты испортил эффект от двух бутылок чудесного пино гриджио. Теперь я отвратительно трезвая, и мне не нравится такой быть.

Джек не выдерживает и поворачивает голову. Флоренс смотрит на дорогу настолько жестким взглядом, что об него можно порезаться. Ей плохо, но он не представляет, как помочь. Алкоголь тут разве что усилит и без того паршивые эмоции.

– Когда это я успел что-то испортить?

– Когда наорал. Я сразу протрезвела.

Джек пытается вспомнить, когда это он орал. Ну, отвесил пару ласковых – так оно как выглядело? Будто Флоренс хочет насолить Гэри и испортить их отношения. Кто бы не орал?

– Не драматизируй. Представь, каково было мне.

– Даже представлять не надо, ты очень доходчиво объяснил.

– Нехер было меня ловить в такой момент. Я вообще-то там чуть не сдох на арене.

– Тебя бабушка научила так с девушками разговаривать?

– Не трогай ее! – взрывается Джек. – Она-то что сделала?

– Тебя воспитала. Не знаю, как у вас в Манчестере, а у нас так с людьми не разговаривают.

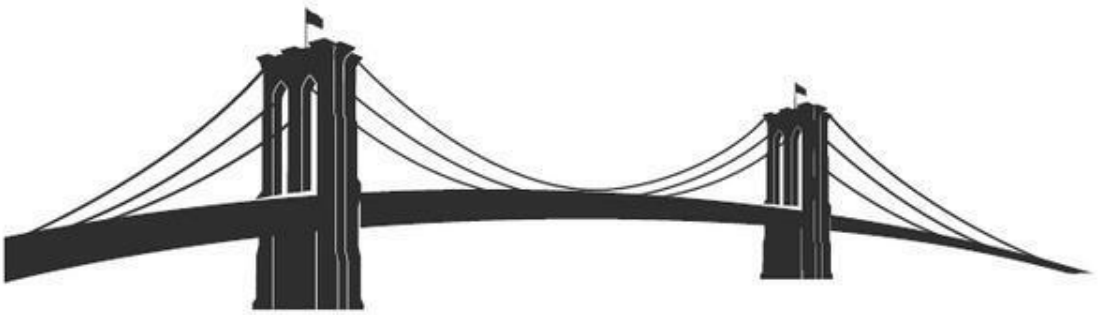
– Ой, да иди ты в задницу.

– Манчестерское быдло.

– Колумбийская алкоголичка.

После секундной паузы Флоренс наполняет машину смехом. Джек искоса бросает взгляд и понимает, что она не обижена. На душе почему-то становится легче.

Глава 2
Цветочек

Куда лучше переехать? В Бронксе оставаться не хочется, там в принципе не очень-то нравилось жить. Сколько бы его ни пытались пригладить, суть окраины это не меняет. На Манхэттене дорого и не слишком удобно, на Стейтен-Айленде так и вовсе незачем. Остаются Квинс и Бруклин.

Флоренс невольно разглядывает дома Бруклина, пока они проезжают Атлантик-авеню. Может, переехать в какой-нибудь джентрифицированный[1] районч ик? Причем в старый дом, их тут сотня на выбор. Жить рядом со студентами, мечтающими о Бродвее, уличными художниками, композиторами, которые пишут электронную музыку. В истинной творческой среде, где рождаются главные идеи. То, что станет будущим. То, что уже сейчас лучше всего отражает настоящее.

Сложно чувствовать развитие творческой мысли, когда застрял в американской мечте среднего звена посреди Южного Бронкса. Теперь у Флоренс есть шанс окружить себя новыми людьми и почувствовать новую волну. Цепляться за эту мысль оказывается легко и приятно: она греет душу каким-то особенным теплом и смягчает боль расставания.

– У меня в доме нет ничего из слабого алкоголя, – заставляет вздрогнуть голос Джека. – Если тебе нужно что-то такое, нам бы заехать… только не знаю куда.

Она успела забыть о нем за рулем. Джек везет ее к себе домой, куда-то, где Флоренс еще ни разу не была. Она даже не знает, где именно он живет. Гэри как-то говорил, вроде на Манхэттене.

– Главное, чтобы был алкоголь, – отвечает она. – Надеюсь, его много.

– Тебе рокса[2] хватит.

Как это вышло? Как она оказалась в машине с Джеком? Когда они с Гэри только познакомились, он заявил, что у него есть лучший друг. Брат. Один из важнейших людей в его жизни, с которым непременно нужно подружиться.

Кого Флоренс ожидала увидеть? Хамоватого, но ужасно простого англичанина, который вырос в бедном районе Манчестера с бабушкой. Такого же работягу. Даже на минуту представила себе парня, похожего на Гэри, – гора мышц, торчащие уши, повадки уличного мальчишки.

С хамоватым англичанином она, конечно, угадала. Но остальное… Флоренс незаметно косится на него, разглядывая задумчивый профиль. У Джека длинная шея и тонкие черты лица. Темные волосы обычно идеально уложены, но сейчас, после боя в песке, пряди падают ему на лоб, и этот беспорядок на голове только добавляет темного отравляющего обаяния.

---

[1] Некогда бедный район, который был благоустроен и назначен модным.

[2] Бокал для крепких алкогольных напитков, стандартный объем 250 мл.

Кстати, она никогда не видела раньше, чтобы он носил обычную одежду – только костюмы. Не считая соккера, конечно, там все их братство, как униформу, надевает голубые футболки с неизменной надписью «Этихад».

Они не подружились. Даже наоборот – он с первого взгляда ей не понравился. Заносчивый и напыщенный индюк. Джек скорчил рожу, как только ее увидел, и потом постоянно говорил о ней Гэри гадости – особенно когда думал, что Флоренс не слышит.

За три года ничего не изменилось. Всегда кажется, что сначала слуги в тюрбанах вносят в комнату эго Джека, а только потом снисходительно заходит он сам. Флоренс не нравится в нем все: слишком холеная внешность, необъятная любовь к себе, непостоянная личная жизнь, если этот бразильский карнавал вообще можно так назвать.

И все-таки она сидит у него в машине и едет в его дом. Наверное, стоило отказаться, но любопытно посмотреть, как он живет. И ей больше некуда поехать: возвращаться домой нельзя, а у Бри и Маттео явно свои планы на остаток ночи.

Черт. Надо им позвонить или хотя бы сообщение послать, чтобы не переживали. А если она их отвлечет? Последнее, что помнит Флоренс до того, как Джек вытащил ее на улицу, – их поцелуй. Видимо, адреналин боя захватил не только ее…

Она снова поглядывает на Джека, в этот раз по-другому. Всегда думала, он просто худой, а теперь даже странно – стоило догадаться, что нет. Но Флоренс не ожидала настолько прекрасной картины. Перед глазами снова всплывает его идеально вылепленное тело, блестящее от капель пота. Серьезный взгляд, сконцентрированный на противнике, точные, выверенные движения. На арене он был хищником: не оставлял Пепито ни одного шанса, хотя тот чуть ли не в два раза шире. Мангуст против питона.

Он замечает ее взгляд. Поворачивается, вопросительно поднимает брови.

– Что-то случилось? – тихо и серьезно звучит его голос.

– Почему ты меня забрал?

Вопрос вырывается сам собой, и Флоренс не нравится его задавать, но ей действительно любопытно. Среди ревущей толпы он мог выбрать любую девушку – там не было никого, кто отказался бы от возможности прикоснуться к этому телу.

Если бы она его не знала, сама бы не отказалась.

– Потому что ты в ужасном состоянии, – без иронии отвечает он. – Можешь натворить глупостей. Как думаешь, что сделает со мной Гэри, оставь я тебя среди отбросов с сумасшедшей подружкой и ее манерным дружком?

– Не говори так о Маттео, – на автомате отвечает Флоренс. – Он скульптор.

Джек прикусывает губу и странно покашливает.

– А Гэри ничего с тобой не сделает. Я же говорю, мы расстались.

– Он знает, что ты поехала на подпольные бои?

– Конечно нет!

– Видишь. Даже сейчас ты понимаешь: он бы не одобрил. Так что пока невменяемая, побудешь под присмотром.

– Тебе обязательно меня оскорблять? – Внутри больно колет от его слов.

– А это оскорбление? – удивляется Джек. – Просто говорю, что вижу. Тебе херово от расставания, это я понял. Напилась с друзьями, пошла за адреналином и хватанула по самую макушку. И теперь ты или отправишься дальше в бар делать глупости…

Он замолкает и резко выкручивает руль, поворачивая к Бруклинскому мосту.

– Или? – спрашивает Флоренс.

– Я буду уверен, что ты легла спать без приключений.

Когда они подъезжают к пафосному небоскребу со стеклянными стенами, Флоренс успевает пожалеть, что села к нему в машину. Все внутри нее протестует против того, чтобы ложиться спать без приключений.

– Какой этаж? – с интересом спрашивает она, пока Джек в несколько отточенных движений паркуется на своем месте.

– Пятьдесят второй.

– Всего лишь? – улыбается она. – А как же пентхаус по соседству с Центральным парком?

– Это не у меня, ты брата перепутала, – он сосредоточенно собирает необходимое: телефон, ключи, достает из зажигания ключ от машины, – он у Леона. Пойдем.

Джек не заботится о том, чтобы открыть ей дверь, и Флоренс это коробит: приходится выйти самой. Она идет в лифт вслед за ним, вспоминая, что еще знает об этом человеке, кроме его отвратительного характера.

Их четверо, и они совершенно разные. Лучшие друзья из Манчестера, которые называют себя братьями. Работают вместе еще со школы, но общая у них только любовь к машинам. У Леона Гамильтона тот самый пентхаус, Тыковка недавно купил новую квартиру где-то в Бруклине, Флоренс так туда и не попала. Джек – на юге Манхэттена.

Гэри Барнс, с которым Флоренс прожила последние три года, единственный из всех купил себе дом. Обычный дом в Нью-Йорке – самая странная вещь, какую только можно вообразить. За все время она так и не привыкла думать, что это и ее дом тоже.

Это хорошо, наверное. Не придется отвыкать.

– Заходи. – Джек пропускает ее вперед. – Чувствуй себя как… как хочешь.

– Можно я не буду чувствовать вообще? – бросает Флоренс в ответ, аккуратно заходя внутрь.

Квартира оказывается небольшой, но обставленной с удивительным вкусом: каждое пятно цвета, каждая деталь интерьера создают композицию. Не обычное жилье, нет – композицию. Светло-серые стены добавляют пространства, и тот же цвет, но оттенком чуть темнее, отражается в мебели.

Это могло бы быть скучным. Но медные оконные рамы добавляют озорных искр, которые отсвечивают на других металлических поверхностях. Квартира подмигивает ей, с каждой деталью раскрывается по-новому. Даже не верится, что здесь живет Джек Эдвардс.

Флоренс медленным шагом проходит внутрь. Она не так представляла себе холостяцкое логово. Тут не просто чисто – практически стерильно. Даже Гэри, хоть тот и привык сам следить за домом, настолько не заморачивается.

В гостиной – со входа не увидела – стоит небольшой шкаф, заполненный книгами. Но Флоренс даже не успевает обратить внимание на корешки: она замечает картину на стене рядом. Дорога, которая пробирается под бетонными мостами и находит свой путь в бесконечность… Стиль узнается мгновенно – она видела похожие работы всего пару месяцев назад.

– Джен Орпин? – Странно даже произносить ее имя здесь. – Это картина Джен Орпин?

– Почему тебя это удивляет? – звучит прямо у нее над ухом голос Джека. – Она наша, из манкунианцев[3].

– Я просто…

У Флоренс нет слов. Она знакома с работами этой художницы: в этом году ее имя не раз произносили в некоторых кругах. Джен Орпин занимается ландшафтами. Она – одна из немногих, кто может вдохнуть жизнь даже в бетонную перекладину.

– Просто что? – Джек протягивает руку из-за спины Флоренс, предлагая стакан с чем-то, похожим на виски.

– Не знала, что ты интересуешься искусством.

– Не делай вид, что ты что-то обо мне знаешь.

Он отпускает стакан, заставляя Флоренс перехватить его на лету.

[3] Манкунианец – житель Манчестера.

– Я знаю Джен. – Джек отходит в сторону, не отрывая глаз от картины. – Так что не удивляйся. Манкунианцы понимают друг друга.

– У тебя здесь… хорошо. – Ей становится неловко.

– Знаю.

Алкоголь непривычно обжигает горло: Флоренс давно не пробовала крепких напитков. На виски непохоже.

– Джин, – словно прочитав ее мысли, отвечает Джек. – Пей медленно, он дорогой.

– Если тебе жалко, пей сам, – она протягивает стакан обратно, – я могу и в бар поехать.

– Не начинай. Я всего лишь хочу сказать, что будет обидно блевать таким хорошим джином.

Джек кивает на диван посреди гостиной.

– Садись. Расскажи мне все по порядку. Что у вас случилось?

– Ничего особенного, – Флоренс остается на месте, – там не о чем говорить. Просто время пришло.

– Оставь эту чушь своим высокодуховным идиоткам на работе. – Джек опускается к дивану и похлопывает по сиденью, уже настойчивее.

Она проходит и садится. Все еще сложно понять, что именно от нее хотят.

– Ты спал с тремя из них, насколько я помню.

– Ага, знаю, о чем говорю. От темы не уходи. Льда в джин добавить?

– Да, – слишком быстро выпаливает Флоренс. Второй глоток оказывается не легче первого.

Он забирает у нее стакан и направляется на кухню, к холодильнику.

– Ты не будешь… пить? – спрашивает она.

Сейчас, в темной футболке и штанах, на которых все еще виднеется песок арены, он окончательно перестает быть похожим на привычного Джека Эдвардса. Флоренс снова оглядывается: она словно в параллельной вселенной. Здесь есть она, такая же, как обычно, но чувствует себя по-другому. И есть он, с тем же острым языком и ехидным тоном, но с новым оттенком эмоций где-то в глубине глаз.

– Сначала мне нужно принять душ и переодеться, – отвечает он, – но ты продолжаешь уходить от темы, так что не переживай. Я в песке постою.

– Тогда иди сейчас. – Флоренс поднимается за своим стаканом сама. – Если ты действительно хочешь знать, то это все равно слишком долгая история.

– У нас ночь впереди, – Джек делает пару шагов навстречу и вкладывает ей в руку стакан. – Чувствуй себя как…

Он снова запинается на слове «дома», и в этот раз Флоренс успевает ответить первой:

– Как хочу, я уже поняла.

– Я скоро вернусь. – Он стягивает футболку через голову, и взгляд невольно останавливается на скульптурных мышцах, движение которых видно под кожей.

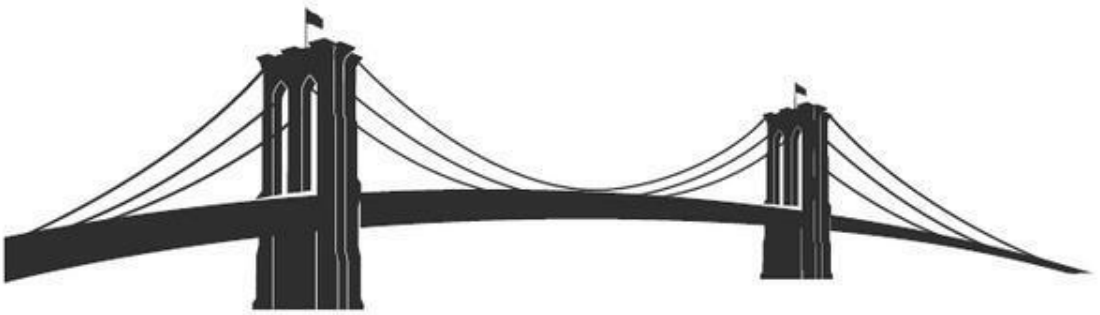
Флоренс сжимает свой стакан и отходит к окну.

Снаружи простирается весь Нижний Манхэттен. Нью-Йорк и правда никогда не спит: прямо сейчас он мигает разноцветными огнями, рассказывая сотни историй разом. А чуть дальше темным спокойным пятном течет неторопливый Гудзон.

– Джек, – тихо, не надеясь на ответ, произносит Флоренс, – если он не у тебя, то где он?

– У Тыковки, – серьезно говорит тот.

Глава 3
Факбой

После душа Джек натягивает мягкие серые штаны и наконец чувствует, что он дома. Вечер заканчивается совсем не так, как он ожидал, но нет смысла жаловаться: сам же решил, что привезет Флоренс сюда. Было бы здорово хотя бы попытаться понять зачем, но он откладывает задачу на потом.

Леон считает, что это главный вопрос вселенной. А их корпоративный консультант даже шутит: однажды попугая научили говорить «Чтобы что?», и тот дослужился до генерального директора. За последний год Джек привык часто задавать этот вопрос всем вокруг, но почти никогда – себе самому.

А стоило бы начать, наверное. Хотя бы изредка. Джек наскоро вытирает мокрые – еле вымыл из них песок – волосы и смотрит на себя в зеркало.

Он увидел девушку брата посреди ревущей толпы и поцеловал ее.

Зачем?

Он привез ее домой, хотя можно было оставить там и не париться.

Зачем?

Он налил ей свой любимый джин и спросил об их расставании.

Зачем?

Универсальный ответ настолько легко всплывает в голове, что кажется единственно правильным. Он хорошо все объясняет, и больше ничего не требуется.

Джек делает это не ради себя и уж точно не ради нее. У него есть человек важнее – Гэри. Что бы у них ни произошло, расстались они навсегда или на время, – не так важно, брат все равно не хотел бы, чтобы Флоренс пострадала.

Стараясь удержаться за этот ответ, Джек ищет в своем отражении изменения. Что нового его образу привнесет очередное падение? Ситуация кажется логичной, почти обыденной, но внутри все равно бушует что-то нездоровое. Единственное, чему не находится успокаивающего объяснения, – он целовал Флоренс. А она его.

Воспоминания жгут сознание. Джек остервенело трет зубы щеткой, проходится даже по губам, но чертов поцелуй до сих пор ощущается во рту горько-сладким предательством. Ничего не помогает. Кажется, с этим привкусом еще придется научиться жить.

Когда Джек возвращается из ванной, он ожидает увидеть Флоренс на диване перед телевизором, но та снова – в который раз за вечер? – ведет себя странно. Сбросила обувь и забралась с ногами на подоконник. В руках у нее книжка с до боли знакомым корешком – «Портрет Дориана Грея».

Она не реагирует на его появление, даже головы не поднимает, погруженная в чтение. Джек подумывает уйти спать – возможно, так ей будет спокойнее. Флоренс напрягает его присутствие, и это заметно. Даже слишком.

Давно понятно: он ей не нравится. Джек успел с этим смириться за три года, тем более что, если быть честным, он и не пытался понравиться. Зачем? Это девушка брата, вот ему пусть и нравится.

Хотя сейчас, когда он видит ее сосредоточенное лицо, внутри появляется новое чувство. Кажется, он понимает и почему Гэри ее выбрал, и почему пробыл с ней так долго. В эти минуты Флоренс не просто красивая кукла – она совсем нереальна, словно статуя, вышедшая из-под руки Пигмалиона[4].

Когда Джек делает шаг назад, намереваясь исполнить собственное решение оставить ее в покое, Флоренс поднимает голову. Чуть затуманенный книгой и алкоголем взгляд окончательно превращает ее в произведение искусства.

– Привет, – едва заметно улыбается она, – зачем ты спрятал свой дорогой джин?

Джек видит пустой рокс на журнальном столике.

– Говорил тебе пить медленно, – усмехается он и подходит к кабинету с алкоголем за бутылкой.

– Я и пью. Просто ты плещешься в душе, как пятилетка.

– Рад, что ты нашла себе развлечение.

Он доливает джин в ее рокс и кидает еще один кубик льда.

– Тебе необязательно со мной сидеть, я не ребенок и справляюсь, – Флоренс приподнимает книгу. – Если ты устал, просто отдай бутылку и иди спать.

– Почему так настойчиво пытаешься напиться? Не знал, что тебе это нравится.

Джек подходит к подоконнику и вкладывает рокс ей в руку. Их пальцы соприкасаются, и по спине, там, где позвоночник, пробегают колкие мурашки.

– Потому что сегодня специальный вечер для этого. – Она не отводит взгляд. – Я рассталась с человеком, которого любила три года.

– Интересно? – кивает он на книгу.

Ее слова звучат слишком болезненно, чтобы за них цепляться. Нужно хотя бы попробовать перевести тему.

– Читала в университете. Но это настолько хорошо, что можно перечитать.

– Английская классика.

– Как и Конан-Дойль, но его я у тебя не нашла. – Флоренс поджимает ноги, освобождая место рядом с собой. – Так что, ты спать?

Не отвечая, Джек идет за вторым роксом, на обратном пути прихватив и бутылку тоже. Подоконник у него широкий, сделан добротно – двоих точно выдержит.

– Как ты, возможно, знаешь, – опускается он напротив и тоже закидывает ноги наверх, по обе стороны от ног Флоренс, – Гэри не самый болтливый человек.

– Что ты, он просто открытая книга, такой разговорчивый.

Джек давится смешком и качает головой. За двадцать с лишним лет привык: Гэри предпочитает молчать обо всем, что для него важно. Сейчас было бы странно удивляться. Да, он ничего не говорил об их проблемах в отношениях. Вряд ли вообще собирался, и хорошо, если хотя бы о расставании сообщит – может вовсе сделать вид, будто ничего не произошло.

Но до этого момента Джек не думал о том, что с Флоренс он, скорее всего, такой же. Интересно, они вообще о чем-нибудь беседовали? Скорее всего, она знает об их маленьком бизнесе в Манчестере, про бабушку тоже в курсе. Гэри мог рассказать главные моменты их детства и то, что отец убил его мать.

---

[4] Скульптор, влюбившийся в статую, которую создал.

– То есть ты ничего не знаешь? – разрезает тишину голос Флоренс.

– Дай подумать: ты приходила в офис и что-то не поделила с Малой, – отвечает Джек, делая глоток джина. – Леон видел на камерах. На этом все.

– Пайпер, – закатывает глаза она, – верхушка айсберга.

Флоренс закрывает книгу, зажимая страницу пальцем. Джек забирает злосчастного Оскара Уайльда у нее из рук и, запомнив номер страницы, кладет на пол.

Итак, дело все же в ассистентке. Пайпер Нолан подняла на уши всю операционную дирекцию, установила новые правила общения, а теперь еще и директора к рукам прибрала. Удивительная девчонка. Раньше там каждый день стояла грызня, а рычание Гэри долетало до самых дальних углов офиса.

А теперь стоит появиться пяти футам[5] рыжего дружелюбия, как все моментально утихают. Да, Пайпер, обязательно Пайпер. Бешеный Макрори – и тот у нее с рук ест. Маленькая дрессировщица.

– Ты знал, что два месяца назад Гэри был в Марокко? – спрашивает Флоренс.

– Нет, – с сомнением отвечает Джек. – Мы точно об одном человеке говорим? Моего брата с дивана не выгонишь, какой, к черту, Марокко?

Она победно улыбается, изящно подносит рокс к губам.

– Выкладывай.

Флоренс рассказывает о том, как нашла у Гэри отдельную тайную жизнь – ту, где он ищет человека с помощью хакеров, ездит куда-то по выходным. Хорошо хоть, подставную семью не завел.

Джек не может не отметить, с каким достоинством она держится, хотя сделала худшее, что могла: влезла, куда ее не пускали. Даже удивительно, как они еще два месяца продержались – старый добрый Гэри выгнал бы ее из дома в тот же день.

Это Джек выучил ценой разбитого носа еще до того, как они стали братьями: один раз сказали, что не твое дело, – во второй не стоит и спрашивать. А если выяснил окольными путями, не пались. Захочет – расскажет. Не захочет – тебя не касается.

Флоренс сделала все, чтобы они поссорились. И с ее стороны, конечно, правда есть: она его так хорошо не знает. Гэри не бьет девушек из принципа, учиться ей было не на чем.

– Я бы так не злилась, – говорит она, задумчиво глядя в окно, – даже привыкла, что у него от меня куча секретов, иногда сама выдумывала себе подходящие ответы. Только расстроилась, когда он спокойно заявил, что едет на другой континент, но зачем – не сказал. Хоть бы соврал про бабушку.

– Гэри никогда не врет, – комментирует Джек.

– Да, и поэтому после того, как он вернулся, я была уверена, что у нас все будет хорошо. Я просто приму его особенности. Бабушка и вы трое – это единственные, кому он доверяет свои секреты. Я в эту группу не вхожу. И пусть.

– Ошибаешься.

– Прости? – Флоренс поворачивает к нему голову.

– Мы в эту группу тоже не входим. У нас есть общие секреты, это другое. Но если Гэри что-то делает сам, мы не в курсе. Даже ба не будет знать, пока это ее не коснется. Свои собственные тайны он всегда держит при себе.

– А тут ошибаешься ты, – горько улыбается она, – Пайпер в курсе.

Теперь Джек понимает ее обиду. Более того – чувствует то же самое.

– Должна быть логичная причина, – произносит он и прикрывает глаза, чтобы Флоренс не заметила лишнего.

[5] Чуть больше 152 см.

Судя по тому, что она рассказала, Гэри ищет отца. Рейс Бирмингем – Малага, список пассажиров, внезапная поездка к одному из них в Марокко, да еще и так, чтобы никто не узнал… Точно личный проект.

Хочется, чтобы Гэри поделился. Да, это только его отец, и тот убил только его мать, и никого эта история не касается… Но слезы бабушки помнит и сам Джек. И решение убить ублюдка он тоже помнит. И собственное обещание помочь.

Он ведь правда мог быть полезным. Гэри и компьютеры – анекдот, и Джек мог бы привнести свою лепту. Его даже просить не пришлось бы, достаточно рассказать.

И все-таки Гэри предпочел девчонку брату. Почему?

– Тебе теперь тоже нужно напиться? – спрашивает Флоренс понимающе.

Взяв себя в руки, Джек открывает глаза, и она аккуратно подпихивает рокс ближе к его губам.

– Кажется, нас обоих оставили за бортом, – заявляет она, – так что пей, Джек Эдвардс.

Когда она так приказывает, не повиноваться невозможно. Джек одним махом опустошает рокс и наблюдает за тем, как Флоренс повторяет за ним.

– Никогда не пила джин чистым, – признается она и морщит нос.

– Хороший джин ни с чем не мешают, – отвечает он, – но тебе могу долить тоника.

– Поздно, я снова начинаю напиваться.

Джек опять наполняет роксы и поднимает тост.

– За наши разбитые сердца!

– За разбитые сердца, – эхом повторяет она.

Спать не хочется, кажется, им обоим. Джек задает Флоренс пару вопросов о работе, с удовольствием наблюдая, как ее мысли уносятся в сторону галереи. Она не отрывает глаз от картины Джен, пока рассказывает о великолепной художнице, которую недавно откопала в очередной арт-школе.

Этот горящий взгляд, увлеченный голос и неутомимая слежка за тем, чтобы он успевал за ней в скорости опьянения, заставляют на время забыть о том, какая Флоренс стерва. Сейчас это просто красивая девушка с удивительным для американки тонким чувством прекрасного. Не зря она занялась искусством, у такой и правда может получиться что-то хорошее.

Джек не любит галереи в Нью-Йорке: это места для скучающих толстосумов и их восторженных девушек-аксессуаров. Там вечно все ходят с умными лицами, делают вид, будто что-то понимают, чувствуют себя элитой. Больше всего смешит то, как сильно посетители галерей пытаются источать атмосферу старых денег. Словно в Америке есть хоть что-то по-настоящему старое, кроме бизонов и Аппалачей.

Но у Флоренс и правда есть вкус. Жаль, что в этом городе ее талант уходит в никуда.

Когда бутылка грозит закончиться, Джек наконец слезает с подоконника и невольно поправляет воротник футболки.

– Дама позволит пригласить ее на танец? – спрашивает он, склоняясь в шутливом поклоне.

– Без музыки? – Флоренс опускает ноги на пол и отвечает на протянутую руку.

– Алекса, включи Фрэнка Синатру.

Сложно сказать, что из этого вечера опьяняет больше. Джин? Музыка? Самая красивая девушка Нью-Йорка, тонкая талия которой горит под его пальцами?

– Ты пахнешь цветами, – шепчет Джек ей на ухо, прежде чем отвести руку и закрутить ее сильнее в свои объятия.

– А ты – мятным шампунем, – отвечает она с улыбкой.

Искушение слишком велико. Теперь Флоренс совсем не так запретна, чем несколько часов назад, но все равно заставляет сердце колотиться в груди. Почему именно она?

Почему из огромного Нью-Йорка с миллионами девушек сейчас, в его квартире, босая, с ним танцует Флоренс Мендоса?

Пытаясь найти ответ на этот вопрос, Джек опускается к ее губам.

Манчестер, 2011

Гэри стоит над мертвой козой, неловко разводя руками, будто пытается понять, что с ней теперь делать. Джек, и без того накрученный донельзя, осматривает бампер и видит на нем совсем небольшую, но отчетливую вмятину.

Мало им было приключений за сегодня? Свернули, чтобы спиздить бензин, торчали в орешнике, пока мимо проехало машин десять, не меньше. Заблудились в лесу, потому что объезжать пришлось аж по самый Уиган. И вот теперь, когда уже пообещали Леону доехать до Карлайла без приключений, они сбили ебучую козу и помяли бампер.

Угон ретротачек для чайников: никаких, сука, следов. Ни вмятин, ни царапин, ни пятен. Красная «Альфа-Ромео» шестьдесят девятого года, которую они гонят в сраный Абердин, только что потеряла в цене процентов тридцать. Если пять минут назад она была как новенькая, то теперь хер поймешь, что с ней делать.

– Что опять? – слышится позади голос Леона.

– Есть проблема, – глухо говорит Гэри.

Он отрывает взгляд от козы и переводит на машину, после чего мрачнеет еще сильнее и качает головой.

– Думаешь, не увидят? – спрашивает Джек. – Или скажем, так и было?

– Что так и было? – Леон вырастает у него из-за плеча.

– Бампер, – указывает рукой Гэри. – Мы козу сбили.

– Вы… что?

Тот оббегает машину и садится на корточки перед бампером. Тыковка подходит с другой стороны, с тревогой глядя на них.

– Каким образом она вам мешала? – вздыхает он.

– Похуй на козу, – бурчит Леон, аккуратно касаясь вмятины, – сюда посмотри.

Гэри приподнимает брови, недовольный тем, что происходит. Он неторопливо пинает в кусты труп незадачливого животного. Блядь, это практически улика.

– Варвары, – стонет Тыковка, с болезненной любовью поглаживая крышку багажника, – не берегут они тебя.

– Это можно поправить? – коротко спрашивает Леон.

– Здесь – нет, мне как минимум нужны кипяток и вантуз, – быстро отвечает тот, – и полировать нечем. А вообще в идеале нам бы в гараж.

– Там вакуумный упор, – добавляет Гэри.

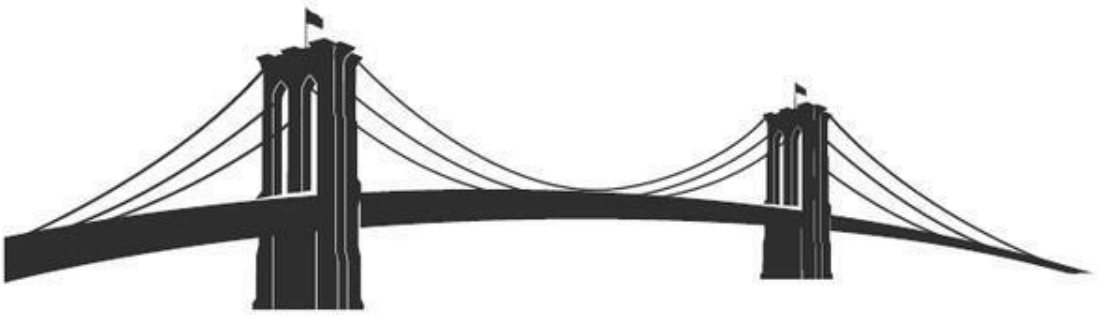
– В Манчестер не поедем, – решает Леон, поднимаясь. – И это всего лишь от козы?

– Скажи спасибо, что они не лося сбили, – морщится Тыковка.

Гэри молча допинывает козу, выглядит это как идиотский артхаусный фильм. В ночной тишине слышатся стрекочущие звуки каких-то насекомых, отдаленный лай и совсем глухо – шум машин с дороги.

– Едем в Блэкпул, – сообщает Леон. – Зверюга, сядь за руль. Мне так спокойнее.

Глава 4
Цветочек

Солнечный свет настойчиво пробивается сквозь веки, заставляя открыть глаза. Флоренс отворачивается, но он словно повсюду. Стоит ей пошевелиться, голова моментально отзывается острой болью в висках. Прохладная часть подушки не помогает: господи, сколько она вчера выпила?

В рту появляется неприятный алкогольный привкус, как после студенческой вечеринки. Нужно подниматься, хотя бы зубы почистить, а в идеале – залезть под душ и немного освежиться. От нее, наверное, пахнет, как от помойки, там ведь были и вино, и джин, и…

Флоренс распахивает глаза, пытаясь понять, где она. Воспоминания сносят волной: сначала пино гриджио у друзей дома, потом в Бри проснулся ее обычный пьяный чертенок, и они пошли смотреть на подпольные бои.

Тело Джека, блестящее от пота во время поединка.

Его губы, кусающие ее в грубом и голодном поцелуе, полном остатков адреналина.

«Не думал, что ты настолько отбитая».

Грязные взгляды людей в той комнате.

Квартира Джека.

Сам Джек.

И второй поцелуй, такой нежный, что от него в голове стало пусто, и можно было взлететь.

Больше никаких событий Флоренс не помнит. Она оглядывает себя и понимает, что раздета до трусов и находится не в своей спальне. Хуже этого ничего придумать нельзя.

Джека в комнате нет. Тут и спрятаться негде: места мало, кровать придвинута к панорамному окну, из которого виднеется пролив, а рядом с ней – только тумбочка. Единственная дверь, судя по всему, ведет в гостиную. Флоренс приподнимается на локтях и оглядывается: сбоку от себя замечает еще одну. Хорошо бы это была уборная…

Слезть с кровати сложнее, чем она думала: боль в голове становится сильнее, и хочется приставить к виску дрель. Ноги держат с трудом, и Флоренс, цепляясь за стенку, почти доползает до двери и отодвигает ее. В нос бьет свежий запах, похожий на разреженный горный воздух, а глазам открывается целая галерея белоснежных рубашек.

Шкаф. Гребаный шкаф. Какого черта он замаскирован под выход?

Флоренс еле сдерживается от того, чтобы не выругаться. Она даже не прикрывает за собой дверь, просто двигается к следующей. Получается медленно, каждый шаг отдает интенсивной болью. Нет, так пить нельзя. Никогда больше, только хорошее вино и только железный самоконтроль. Даже если рассталась с парнем.

Она почти у цели, но дверь распахивается, и на пороге появляется отвратительно свежий и бодрый Джек.

– Проснулась уже? – сочувственно спрашивает он. – У меня восточная сторона, по утрам солнечно.

Флоренс не в силах даже ответить: она просто ползет мимо него.

– Понял, – кивает Джек и аккуратно перекладывает ее руку себе на плечо. – Полотенце слева, мятный шампунь в душе на полке, голове станет легче. Одноразовая щетка на раковине, достал для тебя.

Он помогает дойти до ванной комнаты и даже аккуратно закрывает за Флоренс дверь. От этого появляется странное чувство: смесь ужаса и благодарности. С одной стороны, найти свежее полотенце и новую зубную щетку – лучшее, что можно было для нее сделать при таком сильном похмелье. С другой – это Джек Эдвардс, и он ведет себя совершенно не как Джек Эдвардс. Что ему нужно?

После душа, который приходится сделать прохладным, Флоренс становится намного лучше. Она заворачивается в полотенце и только теперь понимает: вчера между ними что-то было.

Что-то. Как будто ей пятнадцать. У них был секс.

Почему он? Почему это должен быть именно Джек? Волна стыда катится по больному сознанию, все еще не готовому воспринимать произошедшее. Господи, переспать с лучшим другом своего парня, пусть даже и бывшего… Все равно недостаточно времени бывшего!

Ниже упасть было бы сложно. И если бы с кем-то вменяемым, нормальным… Но нет. Флоренс провела ночь с парнем, который перетрахал добрую половину Нью-Йорка, пощадив только мужчин и детей. Теперь она просто одна из тех девушек, чей номер Джек попытается потерять любой ценой.

– Флоренс? – слышится голос из гостиной. – Тебе дать футболку?

Она распахивает дверь, едва не ударив его по лицу.

– Где мое платье?

– Лучше возьми футболку, – бормочет Джек и отводит глаза в сторону. – И ты, наверное, голодная. Внизу есть ресторан, хочешь, оттуда принесут суп?

– Что с платьем? – раздраженно спрашивает она. – Если ты сейчас скажешь, что порвал его на мне…

– Ты его сама сняла, не помнишь?

– Нет.

Джек отходит в сторону, пропуская ее. У него в руках бутылка воды, и Флоренс машинально тянется за ней – пить хочется ужасно.

– Да, точно, – он отдает ей бутылку и ведет на кухню, – я должен был догадаться, раз тебя так унесло. Давай кратко: ты опрокинула на себя остатки моего джина, они залили твое драгоценное платье, ты его сняла и попросила постирать.

– Я ведь не была настолько пьяна.

– Это ты и пыталась доказать, когда я предложил остановиться.

Щеки пылают так, что дотронуться больно.

– Оно только для химчистки, – стонет Флоренс.

– Я понял, когда достал его утром.

Прохладная вода становится настоящим спасением: во рту пересохло. Головная боль начинает потихоньку успокаиваться. Возможно, сегодня даже получится начать думать.

– Хочу посмотреть на труп платья, – просит Флоренс.

В ответ Джек только протягивает ей чистую футболку.

– Я сбросил его в Гудзон, – с виноватой улыбкой произносит он, – на рассвете, чтобы никто не видел.

– Как я поеду домой?

– Найду для тебя штаны.

Флоренс садится на высокий стул и оглядывает квартиру при свете дня. Это чересчур странно: находиться здесь, слышать его голос, наблюдать, как он морщит лоб, когда говорит по телефону. И картина Джен Орпин больше не кажется такой уж сверхъестественной.

Почему-то хочется выбросить из головы все, что она знала о Джеке раньше. Словно напыщенный павлин с раздутым самомнением исчезает при свете дня, оставляя после себя кого-то совершенного другого. Человека, который способен на заботу и знаки внимания.

– Скоро принесут. – Он кладет трубку и садится напротив. – Ты в порядке?

– Напилась, как школьница, испортила любимое платье и переспала с братом бывшего. Как думаешь?

Лицо Джека вытягивается, но тут же принимает прежнее выражение.

– Отличная пятница на Манхэттене, – пожимает он плечами.

– Не мой стиль.

– Тебе точно стоит попробовать, – беззаботно потягивается Джек. – Потом втянешься, за уши не оттащишь.

Флоренс хочется объяснить ему, что не всем нравится просыпаться в таком состоянии, но это бесполезно. Напыщенный павлин возвращается вместе с издевательской ухмылкой и холодным, пробирающим до костей взглядом.

Она замолкает. Из кухни видно, что в гостиной у него появился письменный стол – судя по всему, выдвижной, – который сейчас завален бумагами. Еще одна разница между ним и Гэри: тот никогда не приносит работу домой и Флоренс запрещает. Говорит, это не дает по-настоящему отдыхать и размывает границы между рабочей и личной жизнью.

Как там, интересно, сейчас его границы?

Слышится стук в дверь, и Джек поднимается открыть – это завтрак. Флоренс не может даже голову повернуть, сил не хватает. Сейчас она поест, возьмет себя в руки и придумает, что делать дальше.

– Суп. – Джек ставит перед ней картонный контейнер, от которого исходит божественный запах.

Живот начинает урчать в предвкушении: Флоренс редко такое ест. Но сегодня нужно, иначе она даже не поднимется со стула.

– А ты не будешь?

– Я проснулся часа на три раньше тебя, – с улыбкой отвечает Джек, – и все успел, даже позавтракать. Так бывает, если не мешаешь вино с джином и адреналином.

– То есть джин с адреналином можно?

– Если знать меру.

Флоренс поднимает на него убийственный взгляд, и Джек понимающе кивает:

– Точно. Мера. Этого в твоем словаре нет. Сейчас объясню…

– Помолчи, пожалуйста.

Тяжелый выбор: хочется бросить ложку в Джека, вызвать такси и уехать, но, во-первых, на Флоренс нет штанов, а во-вторых, суп действительно вкусно пахнет.

Первая ложка становится билетом в рай. Обжигающий бульон залечивает все: и голову, и недовольный желудок, и даже душу. Флоренс тут же тянется за второй, третьей, пока аппетит не перебивает удивленный голос Джека.

– Сколько же лет ты не ела?

– Попросила же. – Она прикрывает глаза и откладывает ложку. – Обязательно быть такой задницей?

– Я вообще-то искренне переживаю, – обиженно тянет тот. – Ты выглядишь как человек, который совсем не ест. Не то чтобы у тебя была плохая фигура, я не об этом… Просто давно не видел кого-то, кто может с таким удовольствием пить бульон.

Флоренс поднимает на него взгляд, и Джек снова вкладывает ложку ей в руку.

– Ешь.

Он замолкает до тех пор, пока контейнер не становится пустым. Тишина не угнетает, даже наоборот: если не замечать, что на тебя смотрят, можно представить себе обычный завтрак в одиночестве.

– Ты – отличная компания, Цветочек, – Джек забирает контейнер и несет его к мусорной корзине, – хорошо поговорили.

– Хотел что-то обсудить? Разве ты обычно не сбегаешь из дома спозаранку, чтобы девушка могла понять намек и уйти?

– Не знаю, кем ты меня считаешь, – оскорбленно морщится он. – И это ты сказала мне заткнуться.

– Да-да, стерва, помню, – улыбается Флоренс и наконец сползает на пол. Теперь она хотя бы чувствует себя человеком. – Ты вроде хотел дать мне штаны? Я вызову такси.

– Зачем?

Джек подходит к ней близко, но не касается и пальцем.

– Ты не выспалась. Вернись в кровать, я пока поработаю. Проснешься – отвезу тебя домой.

– Мне нужно в галерею.

– В этом состоянии? – Он неодобрительно качает головой. – Марш в постель. Иначе мне придется оттащить тебя силой.

Хочется поспорить. Подхватить свои вещи, выбежать отсюда и напрочь забыть о том, что она провела ночь в квартире Джека Эдвардса. Флоренс тяжело дышать от его жесткого взгляда и стального тона.

– То, что мы переспали, ничего не меняет в наших отношениях, верно? – спрашивает она.

– Мы не… У нас и не было отношений. Ты – девушка моего брата. И сейчас идешь спать, потому что я не хочу, чтобы тебя стошнило в такси.

Она разворачивается и возвращается в спальню: его не переспоришь. Флоренс уверена, что не сможет уснуть, но Джек опускает шторы, и в комнате воцаряется приятный полумрак.

Стоит голове коснуться подушки, глаза закрываются сами собой. Его постель пахнет свежестью, будто белье меняли накануне. И только когда Флоренс перекатывается к соседней подушке, она чувствует нотки черного перца и имбиря: запах Джека.

Они провели ночь вместе. Целую ночь.

Больше всего в мире Флоренс хотелось бы вспомнить, как это было.

* * *

Небо за окном становится мягким розовым покрывалом, в котором облака прорисовывают желтые пятна. Солнца не видно – оно ползет за горизонт где-то на другой стороне здания, – но отблески появляются в стеклянных стенах соседних домов.

Джеку нужно еще полчаса, чтобы закончить работу. Флоренс лениво сидит на подоконнике со стаканом свежевыжатого апельсинового сока и ищет узоры в закатных облаках. Здорово, на самом деле, что она осталась, иначе сейчас боролась бы с тошнотой и запахом перегара, бегая по галерее.

Она отрывает взгляд от неба и переводит его на Джека. Тот ее не замечает – погружен в свои непонятные отчеты, морщится, сравнивая два листа бумаги. По-детски жует краешек

ручки и даже забывает, что она у него в зубах – на секунду на лице появляется паника, и он приподнимает остальную стопку, но вскоре скашивает глаза и странно улыбается.

Флоренс перестает задавать себе вопросы. Она знает: он провел так весь день, несмотря на то что сегодня суббота. Вряд ли у него так проходят каждые выходные, конечно, скорее виноват какой-нибудь квартальный отчет, который и Гэри выбивает из колеи раз в три месяца.

– Почти закончил, не волнуйся, – говорит Джек не поворачиваясь.

– Не волнуюсь.

Флоренс возвращается к своему прежнему занятию. Апельсины у Джека сладкие. Наверное, даже слишком.

Сложно не пытаться вспомнить, что между ними было, но Флоренс уговаривает себя, что это и не нужно. Было и было. Вряд ли они когда-нибудь захотят повторить, да и зачем? Все говорят, что Джек – герой одной ночи.

Остается только поверить, что она сможет с этим жить.

– Готово!

Вздрогнув от неожиданности, Флоренс поворачивается на звук.

– Могу тебя отвезти. – Джек поднимается из-за стола и задумчиво идет к ней. – Если ты готова.

Спортивные штаны, которые он ей выдал, настолько мягкие, что из них совсем не хочется вылезать. В чем Джеку не откажешь, так это в умении выбирать вещи: и футболка, и штаны словно обнимают, до того в них комфортно.

Флоренс не знает, о чем говорить, так что молчит всю дорогу домой. В машине играет тихая музыка, которая здорово убаюкивает, хотя она и так весь день проспала.

В Бронкс все еще не хочется, но больше ехать некуда. Как минимум нужно переодеться: появиться дома у Бри или у родителей в мужской одежде будет полным провалом. Флоренс надеется, что Гэри не приехал, пока ее не было. Если он увидит ее в машине у Джека… в первую очередь, пострадает сам Джек.

– Можно тебя кое о чем попросить? – врывается тот в ее мысли, нарушая тишину.

– Да.

– Не влезай в неприятности.

Машина, едва заехав в Бронкс, останавливается около дома, который еще вчера был их с Гэри крепостью. Теперь – только его, и внутри горечью разливается сожаление. Вот почему ехать сюда не хочется, да? Это больше не ее место. И никогда не станет им.

– Флоренс? – Голос Джека в этот раз звучит еще серьезнее.

– Да? – переводит она взгляд на него.

– Если хочешь, собери необходимое, снова останешься у меня.

– Нет. – Голос срывается на смешок. – Нет-нет, я должна. Мне еще вещи собирать.

– Сколько Гэри дал тебе времени?

– Мы это не обсудили, но чем быстрее получится, тем лучше. Так что… спасибо, я пойду. Вещи курьером прислать?

– Созвонимся. – Джек мотает головой, будто отгоняет назойливую муху. – Флоренс, пожалуйста, не влезай в неприятности. Можешь?

– Неприятности вроде тебя?

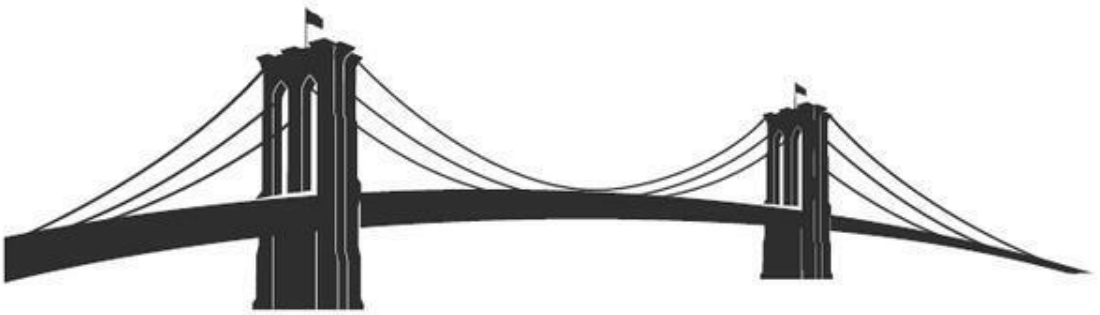
– Вроде боев. В следующий раз, когда ты окажешься посреди худших отбросов Нью-Йорка, меня рядом может не быть. Так что…

– Хорошо, мамочка, – улыбается Флоренс, – сегодня никаких боев.

Она выходит из машины и быстро идет к дому, несмотря на то что там ее ждут пустота, тоска и навязчивый запах Гэри. Ей нельзя останавливаться ни на секунду, потому что если она это сделает, то и правда передумает.

Потому что Джек все еще ждет в машине.

Глава 5
Факбой

К вечеру воскресенья Джек понимает, откуда взялось зудящее чувство, которое преследует его весь день: уже сутки ничего не слышно о Флоренс. Не то чтобы он часто слышал о ней те три года, что они знакомы, но теперь все по-другому.

Каким-то странным образом он оказался не просто причастен к ее жизни, но даже начал чувствовать свою ответственность за нее. Это еще откуда?

Джек выуживает мобильник из вороха отчетов и с трудом находит номер Флоренс. В сотый раз обещает себе почистить телефонную книгу, хотя бы от тех, кто точно уже не перезвонит. Обычно после такого решения кто-то из девчонок всплывает, и записанное имя на экране спасает его от неловкости. Наверное, поэтому контакты он до сих пор и не почистил.

Кстати, номер Флоренс можно будет удалить. Ну, когда она ему штаны с футболкой вернет. Беспокоиться о ней после этого будет незачем.

– Джек? – Ее голос в динамике звучит удивленным.

– Ты жива еще? Никуда не встряла? Гэри домой не вернулся?

Вопросы вылетают, как пулеметная очередь. Флоренс замолкает, но уже секунду спустя начинает смеяться.

– Жива, не встряла, не вернулся, – так же быстро рапортует она. – Ты из-за штанов звонишь? Как раз из сушилки достаю. Вызвать курьера?

– Нет, не беспокойся. Я… потом сам заеду, заберу. Просто хотел узнать, все ли с тобой в порядке. Мало ли, куда еще тебя твоя отбитая подружка увезет.

– Джек… – тянет она своим проклятым грудным голосом. – Мы всего лишь переспали. Я не сойду с ума от этого, поверь.

Он едва сдерживается, чтобы не заржать в трубку. С чего решила, что они переспали? Однако переубеждать ее в этом не стоит – осторожнее будет.

– Точно, – отвечает Джек. – Тогда хорошего дня. Увидимся.

Какая она смешная, эта Флоренс. Видно, что еле сдерживается и что ей плохо… Но леди до конца остается леди. Нужно поговорить с Гэри, выяснить, что на самом деле у них стряслось. Может, это на пару дней, а она уже драму развела… Хотя на Гэри такое и правда не похоже.

И все же Джек тоже кое-что должен. Проклятое платье, которое начисто уничтожила машинка, до сих пор лежит в корзине для белья, как немой укор.

Он делает еще один звонок.

– Мистер Эдвардс, – с готовностью отзывается Энви.

Лучший ассистент в мире. Даже в воскресенье.

– Привет, детка, – улыбается Джек, – как выходной проходит?

– Вы мне полчаса назад обновление для презентации прислали, – смеется та, – это не выходной, мистер Эдвардс.

– Ты же не в офисе?

– Точно, – исправляется она. – Отличный выходной, спасибо.

Джек улыбается и зачем-то подмигивает телефону.

– Детка, есть важное дело. Ты же у меня разбираешься в фэшн-индустрии, да?

– Да, мистер Эдвардс.

– Сарафан, красный, с углами на этом, как его… Бюстье, да? И поверх прозрачная ткань, а по подолу крупные розовые треугольники. Это у нас кто?

– Я ведь не гугл, просто разбираюсь, – тянет Энви, но в трубке слышится быстрый стук ногтей по клавишам. – Вы так описали, я даже представить себе не могу.

Джек поднимается и идет к несчастному платью.

– Сейчас я его пришлю.

Получив фотографию, Энви оживляется.

– «Валентино»! Вроде бы прошлогодней коллекции… Точно, это оно.

– Мне нужно такое же.

– Вы его не найдете. И оно уже неактуально.

– Давай вместе думать, детка. Тебе испортили платье. Ты хочешь взамен получить такое же?

– Или свежее. У «Валентино» в этом году было шикарное коралловое.

– Отлично, тогда завтра утром напомни мне дать тебе свою карту. Нужно, чтобы ты купила его. Только пришлешь сначала фото.

– Какой размер?

– Четвертый, – отвечает Джек, вспоминая фигуру Флоренс.

Округлая грудь тут же всплывает перед глазами, и это ужасно не вовремя. В остальном она стройная, ее даже можно назвать худой: тонкие запястья, изящные щиколотки, восхитительная впадинка между ключиц. Но грудь… Она будто непропорциональна телу. Но шикарная настолько, что в жизни не забудешь.

Джек отключает звонок. Внутри растет сожаление: ведь он запретил себе ее трогать. Когда Флоренс разделась, пытаясь спасти залитое джином платье, и руки сами тянулись к этой груди, ему стоило огромных сил удержаться.

Они спали вместе, но не трахались, и этот опыт – точно не то, что хотелось бы повторить. Теперь придется до конца своих дней фантазировать, какая она в постели, какая на вкус…

Разобраться с вещами и удалить ее номер. Ему нахер не нужно, чтобы Флоренс Мендоса стала героиней его эротических кошмаров.

Он и без того редко спит нормально.

* * *

Гэри все совещание лыбится так, будто с утра избил кого-то. Сложно вспомнить, когда он в последний раз был настолько счастлив. Может, когда купил дом в Бронксе и впервые показывал. Тоже сиял, как бабушкин сервиз, едва не лопался от гордости.

Он всегда был рукастым и домашним, копил с самого Манчестера, наверное. Даже когда все вытрясали свои запасы денег на уставный капитал «Феллоу Хэнд», Гэри, – и тут можно сотку ставить, – достал не все. Пара косарей, отложенная на свой дом, так и осталась неприкосновенным запасом.

Вспоминая боль и обиду в глазах Флоренс, Джек не может не сравнить их с этой улыбкой на лице у Гэри. Странно, всегда казалось, что среди них двоих влюбленным теленком был именно он… Что изменилось?

В перерыве на ланч он успевает перехватить Гэри, пока тот не исчез.

Когда они подходят к кабинету – кабинету Гэри, конечно, у Джека уже лежит чертово платье, которое может вызвать ненужные вопросы, – причина непонятного счастья находится сама собой. Его ассистент Пайпер сияет, как светлячок, стоит ей увидеть своего босса.

Они спят друг с другом. Этого только слепой не заметит.

Неделю назад на футболе Гэри агрессивно объяснял, что у них с Пайпер ничего нет, а проблемы с Флоренс он решит сам. Как все может поменяться за неделю, да? Хотя обещание исполнил: нет девушки – нет проблем с ней.

Джек вспоминает их с Флоренс разговор той ночью и снова чувствует обиду: Гэри рассказал Пайпер о том, что ищет отца. Не ему, не Тыковке, не Леону. Пайпер. Девчонке, которая сейчас травит тупую шутку, и разносит их обоих. Это настолько не похоже на его брата, что кажется, будто того подменили.

– Ты хотел поговорить? Пойдем.

Гэри держит дверь открытой, и только теперь Джек понимает, что Пайпер уже куда-то убежала. Он заходит внутрь и запирается на замок.

Как смотреть Гэри в глаза во время этого разговора? В конце концов, он сует нос совершенно не в свое дело и, скорее всего, сейчас получит по зубам. Черт, как же с ним иногда сложно… Они называют друг друга братьями уже почти двадцать лет, но все равно порой не могут нормально поговорить.

Джек падает на диван и прикрывает глаза. Возможно, так будет легче.

– Помнишь, мы говорили, что у тебя проблемы с Флоренс? – спрашивает он.

– Помню, – мрачно отзывается Гэри, – я еще тогда пообещал, что сам разберусь.

– Здорово разобрался. Где ты сейчас живешь?

Тот замолкает на секунду. Джеку больше не нужен ответ: теперь это окончательно становится очевидным.

– Откуда ты узнал?

От твоей бывшей, которая в пятницу приперлась пьяная на подпольные бои и которую пришлось вытаскивать, пока по кругу не пустили. В платье, блядь, от «Валентино».

– Заезжал к тебе в гости на выходных, – врет Джек, – встретил Флоренс. Она и сообщила.

– Как она? – резко перебивает Гэри.

Как маленькая колумбийская богиня, господи. С этими своими стройными ногами, густыми волосами, в которых пальцы тонут. И цветочный запах теперь по всей квартире. Хоть простыни не стирай, лишь бы не исчез.

– Держится, – выдавливает из себя Джек, – и даже неплохо.

Нужно как-то вывести разговор на их отношения. Понять, что у Гэри вообще в планах, может, они не навсегда расстались.

– Ты до сих пор не сказал, где живешь, – произносит он.

– В Бруклине.

– Вот как, – Джек не верит своим ушам, даже голову поворачивает, – скажи мне, вот шуточки с Малой – это же не просто так? Ты сидишь лыбу давишь, а от нее вообще лампочку зажечь можно.

– Давай потом об этом поговорим? Не сегодня.

– Ты неделю назад сказал, что у тебя с Пайпер ничего нет, – обиженно выпаливает Джек, – а тут выходит, наебал меня. И Флоренс тоже?

За нее даже обиднее. Перед глазами снова больной взгляд обманутой девушки.

– Я понять не могу, – Гэри мгновенно вскипает, чайник проклятый, – ты отрастил лишние зубы?

– А ты мне их выбить решил, братишка? – вскидывается Джек.

Тот дергается, как от удара, и моментально успокаивается. Поднимается из своего кресла, подходит к дивану и тяжело садится рядом. На его плечах словно появляется какой-то груз. Или он там всегда был, а заметен стал только сейчас?

– Я не уходил от Фло к Пайпер. Я просто ушел от Фло. И планировал остановиться у тебя, но нужен был кто-то вроде нее. А еще там диван есть.

Его рассказ не занимает много времени: минут десять, не больше. Джек не перебивает: Гэри в принципе редко когда готов говорить. Обычно из него слова не вытащишь.

Флоренс выложила не все. И хотя ее понять можно – тут бы кукушку снесло у любой девушки, – Джек слишком хорошо знает своего брата. Вместе они уже не будут.

Она залезла в компьютер и тупо спалилась. А потом прочла его переписку с Пайпер в телефоне. И совершенно не важно, что в ней было. Любовные послания, рабочие моменты, мемы с гусями… После этого их отношения ничто не могло спасти.

По мере рассказа Гэри Джек понимает, что для него это тоже прошло нелегко. Да, сейчас все закончилось – поспал, небось, как обычно, и проснулся в новом для себя мире, – но расставание потрепало обоих. Его плечи потихоньку расслабляются, будто с них спадает груз.

Знать бы еще, как поддержать. Ясно, что к Флоренс брат уже не вернется – и собственная совесть затыкается, не беспокоя больше нытьем о том, что чужую девушку нельзя целовать. Бывшую-то можно.

И с Пайпер у них вроде все серьезно. По крайней мере, оба смотрят «Доктора Кто», на этом пару лет вместе продержатся. Гэри такой фанат, что заставил и Джека тоже пересмотреть все, включая классические серии. А уж если девчонка отличит хотя бы пару Докторов между собой, для него это хлеще виагры.

Джек поднимается и наворачивает пару кругов по кабинету. Он не знает, как закончить разговор, который сам же начал. Говорить, что встретил Флоренс, или нет? Врать не хочется, умалчивать тоже – а вдруг почувствует?

Господи, это же брат. Не хватало только из-за такой мелочи поссориться.

– Так а зачем ты приезжал ко мне? – напоминает Гэри.

– Что? – переспрашивает Джек. Нет, сейчас точно не получится рассказать. – Да уже не важно. Я и забыл. И вообще, чего ты меня тут запер? Мне на ланч пора, тебе наверняка Малая еды принесет, а мне свою самому добыть надо.

Уже у выхода он останавливается и оборачивается. Вопрос крутится на языке, жжется, требует, чтобы его задали.

– Так получается, Флоренс теперь свободна? – со странной даже для самого себя надеждой произносит он.

– Держи хер в штанах, – резко отвечает Гэри, – она тебе не игрушка.

Предупреждение получено. Джек вылетает из кабинета и едва не сбивает Пайпер с ног.

– Мистер Эдвардс! – Она смущенно пятится, держа в каждой руке по хот-догу.

– Прости, – выпаливает он и проходит мимо нее.

Сложно сказать, почему его это так бесит. Джек сам не замечает, как оказывается у себя в кабинете, рядом с пакетом «Валентино», с головой, полной мечущихся мыслей.

Это то, как он живет. Его никогда не смущало чужое мнение, чаще всего ханжеское и унылое. Люди завидуют тому, что так можно жить, и из-за этого болтают всякое. На самом деле в душе многие хотели бы иметь яйца поступать так же.

Просто он Джек Эдвардс и не ввязывается в отношения. Он проводит отличные выходные и двигается дальше. Но именно сейчас, когда эту мысль в извращенной форме транслируют сначала Флоренс, а потом Гэри, становится обидно.

Почему сразу «игрушка»?

Джек достает длинное струящееся платье из пакета и улыбается сам себе. Флоренс в нем будет выглядеть восхитительно.

* * *

Всегда было интересно, откуда у этой стервы появились деньги на галерею в центре Манхэттена. Джек слышал о ее семье, и они вроде не богачи, чтобы дать ей такой стартовый капитал. Он даже пытался расспросить Гэри, но тот отмахнулся, мол, не знаю и спрашивать не буду. Откуда-то да появились.

Джек подходит к старой высотке, сбоку которой видна аккуратная маркиза «Галереи нового искусства». Машина осталась на парковке под офисом, и это так здорово – просто прогуляться по Нью-Йорку. Пока он сидел в кабинете, закопанный в новых задачах, незаметно подобралась весна. Она чувствуется в свежем вечернем воздухе, слышится в едва различимом шелесте листвы редких деревьев.

Сейчас бы домой… У бабушки расцветают ее любимые розы. Папаша Джорри звонил похвастаться новой выставкой. С каждым годом Джек все дальше от тусовки и теперь, когда приезжает, не узнает и половины людей в ней. Они меняются так же, как и сам Манчестер.

Он оглядывается по сторонам и заходит внутрь. Одна из дурочек Флоренс – черт, как там ее? Моника? – меняется в лице, когда видит его. Джек с ней спал. Кажется.

– Фантастический Джек Эдвардс, – с улыбкой подходит она и скашивает глаза на чертов пакет. – Добро пожаловать в «Галерею нового искусства». Интересуешься текущей экспозицией?

– И тебе привет, – он убирает руку чуть в сторону, – Флоренс на месте?

– Да, она у себя.

– Тогда, – Джек кладет руку Монике на плечо, – проводи меня. Я с ней вопросы решу, а потом покажешь мне вашу экспозицию. Будет что-то стоящее, сделаешь комиссию.

Моника бросает на него быстрый взгляд и кивает. Затем без лишних вопросов ведет его к боковой двери, и это очень удобно. Было бы странно объяснять, что Джек делает посреди галереи с новым платьем в пакете.

Кабинет Флоренс оказывается совсем недалеко – один короткий пролет коридора. Она отвела под служебные помещения так мало места, что сюда, кажется, не зайдут больше трех человек. Зато в залах, наоборот, много воздуха и света, и каждая деталь видна, как под микроскопом.

Джек задерживается у двери в кабинет и бросает быстрый взгляд на Монику. Та, мгновенно считывая его желание, исчезает в зале. Они точно спали, и сейчас он даже не против повторить.

В ответ на стук голос Флоренс звучит приветливо, но как только Джек открывает дверь и заходит, улыбка с ее лица сползает.

– Что случилось? – быстро спрашивает она.

Она поднимается с кресла и в панике оглядывается. Джек прикрывает за собой дверь. Ее кабинет больше похож на чулан – здесь даже окон нет. И он настолько маленький, что они стоят вплотную друг к другу. Нежный цветочный запах напоминает о том, что она спала в его постели, голая, с разметавшимися по подушке волосами.

– Джек, что ты здесь делаешь? – шипит она. – Ты никогда…

– Да успокойся ты, – просит он, – я кое-что принес.

Флоренс замечает пакет в его руках и недовольно сдвигает брови.

– Я испортил твое платье стиркой, помнишь? – Джек понижает голос почти до шепота. – Подумал, прошлогодняя коллекция «Валентино» будет неактуальна. Купил тебе платье из свежей.

– Не нужно было, – в панике отвечает она. – Тем более здесь!

– Расслабься, – он борется с желанием коснуться ее волос, – Монике я сказал, что у нас дела. Платье посмотришь?

Взгляд Флоренс прикован к пакету, а на лице отражается отчаянная борьба. Знать бы еще, чего с чем.

– Ты невыносим, – выдыхает она и протягивает руку. – Но мне любопытно, на что пал твой выбор.

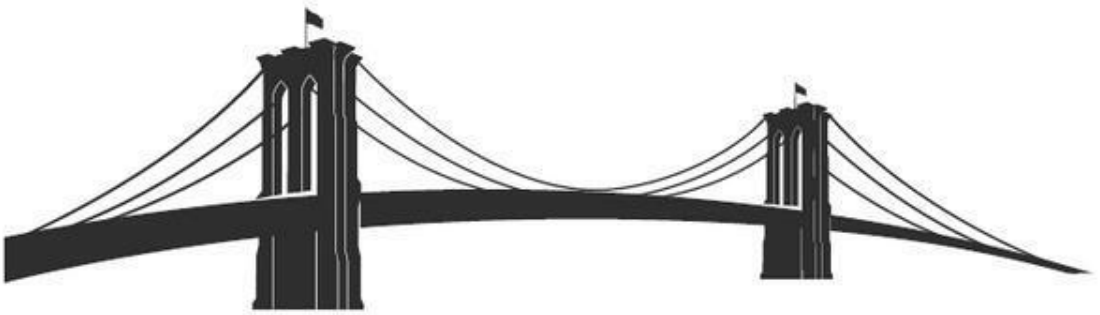
Когда она разворачивает бумагу и видит струящуюся коралловую ткань, в ее глазах загорается что-то совершенно девчачье. Даже не верится, что холодная Флоренс может быть такой.

– Нравится? – Джек наклоняется к ее уху.

Она вздрагивает, и на голых тонких предплечьях появляются мурашки.

Ей нравится.

Глава 6
Цветочек

Объявления об аренде бесят. За последние три года Нью-Йорк стал дороже, но не лучше. Хороших квартир почти нет, а те, что есть, дороже почки. Проще переехать в Бостон и захватить с собой галерею.

Флоренс пообщалась уже с тремя риелторами, и ни один ей не понравился. Конечно, каждый пообещал перезвонить, как только появится предложение, но не стоит на это всерьез рассчитывать. Она продолжает скроллить бесконечные сайты.

Звонок Паломы оказывается как нельзя кстати: пора хоть немного отвлечься от своего унылого занятия. Флоренс тут же хватается за телефон.

– Жива, значит, – ворчливо здоровается Палома. – Мы с мамой думали, если трубку не возьмешь, начнем готовиться к похоронам.

– Знаю, давно не звонила, – вздыхает Флоренс, чувствуя укол вины. – Слишком много всего навалилось.

– Вот оно как живется в соседнем штате. Сестре позвонить некогда.

– Прекрати. Ты тоже…

– Ладно, – смеется Палома, – я обещала маме продержаться чуть дольше, но ты же всегда покупаешься!

Флоренс часто забывает, что вызывать у нее чувство вины – любимый вид спорта у обеих, и у мамы, и у Паломы. Последние шесть лет она живет в Нью-Йорке, а они – в Нью-Джерси. Ехать всего ничего, но видятся почему-то все реже.

– Как у вас дела? Дети в порядке?

– А что с ними будет? Носятся, орут, падают и ломают себе кости. Дети как дети.

– Опять Сальма?

Старшая дочь Паломы отличается особенной активностью. Флоренс не уверена даже, что хорошо помнит ее лицо – маленький вихрь не задерживается на месте больше пары секунд.

– Нет, кости на руке как раз почти срослись. Зато Карлос наконец пошел. Теперь в доме вообще покоя нет.

От рассказов о последних приключениях детей у Флоренс на лице застывает улыбка. Палома всегда мечтала о такой же семье, как у родителей, и, несмотря на то что материнство порой доставляет ей проблемы, чувствуется: она счастлива.

– Теперь Карлос пытается сравнять с Сальмой счет по переломам, – заканчивает та. – Ты как? С Гэри все в порядке?

– Мы расстались в пятницу. – Флоренс хочется, чтобы это прозвучало спокойно, но голос предательски надламывается.

– Как расстались? А где ты сейчас?

– У него дома. Он дал мне время переехать, как раз ищу квартиру.

В динамике повисает напряженное молчание.

– Что случилось?

– Много чего… – Флоренс мучительно подбирает слова. – Просто оба натворили дел. Знаешь, я поняла, что он никогда не будет мне полностью доверять. Слишком много его секретов, личных дел и всего того, куда лезть нельзя.

Палома вздыхает, и воображение ярко рисует, как она сейчас качает головой и закусывает губу.

– Это было ожидаемо, – произносит она тихо. – Помощь нужна?

– Нет. Мы с Бри договорились вместе собрать вещи. Как перееду, скину адрес. Заедешь в гости?

– Я – в Нью-Йорк? Флор, давай лучше ты ко мне. Сдам Тристану детей, пусть наслаждается отцовством. У нас открыли новый спа.

– Хорошо, – смеется Флоренс, – освобожу выходные, сходим туда.

– Держись там, – тепло просит Палома. – И, если что, мой дом для тебя открыт.

– Спасибо. Правда, спасибо.

Флоренс отключает звонок и возвращается к поиску. Взгляд цепляется за мансарду в старом фонде Бруклина. Здание было недавно отреставрировано: квартира кажется уютной и свежей. Ее можно как минимум посмотреть.

* * *

– Это прекрасный район для свежего старта, – не унимается чересчур активная девушка-риелтор, обводя руками спальню. – Здесь много приятных молодых лиц.

– Я уже поняла, – кивает Флоренс. Скорее бы та замолчала, хочется спокойно посмотреть квартиру.

Мансарда в реальности оказывается почти такой же, как на фотографиях. Деревянный пол, конечно, кое-где потемнел, а окна выходят на соседнее здание, но скромная кухня обставлена уютно, и спальня большая. Даже чувствуется легкий запах подсохшей краски – стены обновили совсем недавно.

– И только с этой квартирой идет прекрасный бонус, – риелтор приоткрывает дверь в гостиной и делает шаг наружу, – выход на крышу.

Этого в объявлении не было. Зря: как только Флоренс оказывается там, сразу влюбляется. В углу стоят небольшой столик и два раскладных деревянных стула, а позади них – решетка, увитая плющом. Идеальное место для вечера.

Вот только пахнет тут… Флоренс тянет воздух носом.

– Это что, запах травки? – спрашивает она.

– Плющ, – не моргнув, отвечает риелтор.

– Конечно. Если его свернули, высушили и курят.

Та мнется, но в итоге кивает на квартиру этажом ниже.

– Там живут молодые художники, – морщится она, – вы понимаете, люди творческие…

Ее глаза тухнут: шанс сдать эту квартиру, которая только что стала слишком дорогой – с такими-то соседями, – значительно уменьшается.

– Если сбросите двести долларов, готова подписать документы, – улыбается Флоренс. – У меня все с собой.

Мама бы ругалась. Она считает, что такой выбор должен быть взвешенным и обдуманным: это ведь жилье, не мелочь какая-нибудь. Правда, она не видела крышу, может, тоже влюбилась бы с первого взгляда.

Когда Флоренс спускается вниз, в договор аренды уже вписано ее имя. Сложно удержаться от того, чтобы не перепрыгивать через две ступеньки: в голове какая-то новая, непривычная легкость. Это первое хорошее событие с самой пятницы, и хочется почувствовать его полностью.

Итак, Бушвик. Что ж, пусть будет Бушвик – это все еще лучше, чем окраина Квинса или, не дай бог, Йонкерс. Вполне сносный район на севере Бруклина, и на работу не очень долго ехать. Флоренс выбегает на улицу и впервые за неделю вдыхает полной грудью. Это случилось! Да, теперь еще куча возни: нужно купить мебель, обставить новую квартиру, дособрать оставшиеся вещи и, наконец, переехать. Но ей есть куда, а это главное.

Краем глаза она замечает знакомый серебристый «Линкольн» и даже зажмуривается: показалось. Просто показалось, потому что Джеку незачем быть сейчас здесь, в Бруклине. Не следит же он за ней, в самом деле. Флоренс слишком много думает о нем в последнее время. Больше, чем стоило бы.

Она приоткрывает один глаз и косится вправо: точно «Линкольн». Не показалось… Припаркован чуть дальше ее нового дома и стоит так, что водителя не видно. Флоренс делает пару аккуратных шагов, потом еще несколько, уже куда более уверенных. Три года назад она точно так же заметила, что Гэри следит за домом родителей. Они в тот день познакомились…

Джек сидит за рулем, его невидящий взгляд устремлен куда-то вперед. Сложно удержаться, чтобы не открыть дверь и не упасть рядом, но вместо этого Флоренс просто негромко постукивает по окну. Когда Джек вздрагивает, внутри приятно покалывает: оба они, что он, что Гэри, попадаются на одну и ту же уловку.

Стекло опускается вниз.

– За кем следишь? – спрашивает Флоренс.

– С чего ты… ни за кем я не слежу! – В ответе слышится паника. – Дела у меня.

– В Бушвике?

– Пусть бы и в Бушвике, – косится на дорогу Джек, – какая тебе разница?

– Мы слишком часто видимся в последнее время. – Флоренс пытается считать спектр эмоций, который отражается у него на лице. – Что ты здесь делаешь?

Тот выбирается из машины и подходит к ней, оказываясь слишком близко – так же, как тогда в галерее.

– Дилера жду, – выпаливает он ей на ухо, – что, полиции меня сдашь? Иди, звони.

– Не нервничай, – смеется Флоренс в ответ. – Подумала, ты за мной следишь.

– За тобой? – морщится тот. – Зачем?

– Это я и хотела понять. Думала спросить, давно ли ты за мной едешь. Или, может, поднимемся на мою новую квартиру посмотреть?

– Здесь? – Джек обводит взглядом район. – Надеялся, найдешь место получше.

– Мне нравится. Кстати, у вас с моими соседями один дилер. Подкинь номерок, я бы и сама ему позвонила.

– Чушь, – отрезает тот. – Сомневаюсь, что ты хоть раз в жизни пробовала.

– Не делай вид, – с удовольствием произносит Флоренс, – что ты хоть что-то обо мне знаешь.

Она разворачивается в сторону припаркованной машины, но Джек ловко обхватывает ее за талию и прижимает к себе.

– Я знаю, как ты выглядишь без одежды, – шепчет он, и горячее дыхание обжигает ухо, – этого недостаточно?

– Отпусти, – требует она. – То, что мы переспали, не дает тебе права меня трогать.

Рука тут же ослабляет захват, и Флоренс вырывается. Но не успевает сделать и пары шагов, как его голос останавливает ее.

– Давай я отвезу тебя домой, – неожиданно глухо произносит Джек.

– А как же дилер? – поворачивает голову она. – Не беспокойся. Я припарковалась недалеко.

* * *

– Ты переспала с Джеком Эдвардсом, – неверяще произносит Бри. Она подносит к губам бокал с вином, но тут же передумывает и отводит его в сторону. – С Джеком Эдвардсом. В ночь, когда рассталась с Гэри.

– Ну… да, – кивает Флоренс и делает большой глоток из своего бокала. – Сама в шоке.

Они сидят на кухне у Гэри с бутылкой шардоне. Вроде договаривались, что вместе соберут вещи Флоренс, но пока просто напиваются, разглядывая флаг «Манчестер Сити» на стене.

– У него тоже такая штука есть? – Бри кивает на флаг.

– Нет, слава богу. У него висит картина Джен Орпин.

– Знакомое имя. Это не та с мостами?

– Именно. Там, собственно, один из мостов.

– Значит, Джек Эдвардс разбирается в искусстве.

– Я должна была догадаться раньше. Он все время критикует мою работу, как будто мне Уэбера мало.

– Не показатель, – Бри делает глоток и снова уставляется на флаг, – критиковать может каждый идиот. Уэбер на твоей галерее только и живет.

Бутылка заканчивается угрожающе быстро: им ведь и правда стоит приниматься за работу.

– Ты с ним из-за Орпин переспала?

– Из-за джина. Так напилась, что даже не знаю, как это было. Просыпаюсь утром у него в кровати, раздетая, последним помню, как мы танцевали под Синатру, и он меня поцеловал.

– Обидно, наверное, – усмехается Бри и разливает по бокалам остатки вина, – половина Нью-Йорка знает, как он трахается, а ты не помнишь.

– Ну не повторять же теперь, – пожимает плечами Флоренс, – хотя я на этой неделе его все время встречаю. Ладно бы на Манхэттене – между галереей и их офисом четыре квартала. Но в Бушвике!

– Не думала его украсть?

– Джека?

– Флаг. – Бри не отводит от него глаз. – Можем сорвать и ритуально сжечь во дворе.

– Прекрати. – Флоренс поднимается, чтобы выбросить опустевшую бутылку. – Я не настолько ненавижу соккер и не настолько обижена на Гэри.

– Зато какая была бы финальная точка.

– Будет, когда мы соберем мои вещи. Я и так тут сильно задержалась, в чужом-то доме. – Она допивает вино. – Давай примемся за дело?

– Повиси пока, – подмигивает флагу Бри, – я еще вернусь.

В спальне царит хаос: Флоренс не собиралась толком все это время и ночевала в гостевой комнате. Ее вещи, сорванные с вешалок неделю назад, так и свалены на постели. Работы тут немало… Успеть бы за вечер.

– А это что? – Бри задерживает взгляд на пакете «Валентино». – Прощальный подарок от Гэри или кто-то забежал в любимый магазин на эмоциях?

– Джек, – вздыхает Флоренс. – Он убил мое платье и купил новое.

– Натыкаешься на него, говоришь? – Та решительно направляется к пакету. – Даже в Бушвике?

– Бри, нет.

– Видимо, ты ваш секс не помнишь, а он – наоборот, – смеется она. – И что, с размером тоже угадал?

– Не знаю, – недовольно отвечает Флоренс. Разговор сворачивает в какое-то очень неприятное русло. – Когда он вручил мне платье, я даже ответить ничего не успела. Знаешь, почему?

– Сбежал?

– Моника зашла. И он тут же ушел с ней под ручку. Вроде как смотреть экспозицию.

– Девочка моя, – Бри достает платье из пакета и придирчиво разглядывает, – ты ревнуешь, что ли?

Эти слова бьют в какую-то точку, и хочется выцарапать их из памяти прежде, чем они зависнут там надолго. Всю неделю удавалось их избегать, обходить по дуге. Игнорировать само понятие ревности, его существование в этом мире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.